

Юридические фикции и презумпции в конституционном праве России

*Карпенко К.В.**

Статья посвящена роли и значению юридических фикций и презумпций в современном российском праве. Анализируя Конституцию 1993 г., ряд важнейших федеральных законов, а также практику Конституционного Суда РФ, автор делает вывод, что фикции и презумпции представляют собой самостоятельное и, во многом, уникальное явление в правовом регулировании, и не могут быть сведены исключительно к юридической технике. Благодаря фикциям и презумпциям право оказывается способным к внутреннему, самостоятельному и самодостаточному развитию.

Ключевые слова: Конституция; юридический факт; фикция; презумпция; нормы права.

*«Право есть наука не о сущем,
а о формально логически должном»*

Г. Кельзен. Чистое учение о праве, М., 1987 г.

В системе правового регулирования юридические фикции (*fictiones juris*) и презумпции (*praesumptiones juris*) занимают особое место. В самом широком смысле они представляют собой один из способов закрепления в правовой норме общеобязательных положений. С их помощью правотворческий субъект достигает поставленных целей, вводя

* Карпенко Константин Викторович – старший преподаватель кафедры конституционного права МГИМО (У) МИД России.

общественные отношения в рамки закона и, обеспечивая оптимальное правоприменение.

Использование юридических фикций и презумпций в праве имеет длительную историю. Появившись в Древнем Риме¹, фикции применялись для приспособления устаревших правовых норм к новым условиям жизни, а презумпции позволяли облегчить процесс доказывания в суде. Несмотря на столь преклонный исторический возраст, они не утратили своей актуальности и по сей день. В тоже время вопрос о сущности юридических фикций и презумпций остается предметом дискуссий в современной правовой науке.

Русские юристы дореволюционного периода рассматривали юридические фикции и презумпции с точки зрения юридической техники, как *«приём, допускаемый объективным правом, ... для признания вымышленного факта существующим (фикции), либо сомнительного факта – достоверным и доказанным (презумпции)»*². Аналогичного мнения в то время придерживались и зарубежные юристы³. Проблема юридических фикций и презумпций оставалась, таким образом, в сфере права; на неё не влияли политические, социальные, идеологические установки. Советская юридическая наука как общетеоретическая, так и отраслевая дополнила эту проблематику анализом содержания фикций и презумпций. Анализ проводился с позиций диалектического материализма и классовой сущности права. Это выразилось, в частности, в утверждении обусловленности юридических презумпций классовым характером права, а существование фикций объяснялось несоответствием юридической формы и социалистического содержания права⁴. Такой подход, более чем закономерный в эпоху идеологизации права, к сожалению, не столько обогатил данную проблематику, сколько внес некоторую путаницу и относительный субъективизм в её изучение. В результате строгий нормативный фундамент, заложенный дореволюционными юристами, оказался размытым, что привело к нередкому смешению категорий юридического и политического (или политико-юридического) свойства. Относительное отсутствие «правовой чистоты» характерно и для современных исследований по данной теме. Некоторые ученые отождествляют понятия юридической фикции и фиктивности закона⁵, другие рассматривают фикцию как «антипод закона»⁶. В целом такой подход, безусловно, расширяет возможности анализа юридических фикций и презумпций. Однако, по нашему мнению, наиболее продуктивная методология состоит в том, чтобы

освободить предмет исследования от инородных и, как следствие, несущественных для него самого признаков. Сущность предмета раскрывается через его внутренние отличительные характеристики, которые определяют его самостоятельную значимость. В противном случае легко впасть в логическую ошибку, когда один предмет раскрывается через другой, нередко ему противоположный. Поэтому нам представляется нецелесообразным и неправомерным рассматривать правовые явления с иных, не юридических позиций. В целях данной работы мы станем придерживаться методологии Г. Кельзена, и будем рассматривать юридические фикции и презумпции исключительно как прием юридической техники.

Классовый подход, бывший раньше основой любого исследования в отечественной юридической науке, сегодня представляется чрезмерно упрощенным и предвзятым. Он может заслуживать внимания лишь при изучении отдельных юридических проблем, тесно связанных с экономикой и политикой. Классовая борьба как одна из форм социального конфликта, носит преходящий характер. Она зависит от расстановки политических сил, от распределения материального богатства, а также от уровня развития гражданского общества. Она может стать и результатом сознательной политической провокации, как это было, например, в России, в начале XX века. Со своей стороны право выступает универсальной ценностью человеческого сообщества на всех этапах его развития. Право является отражением небесной гармонии на земле, это *«равный порядок, примененный к заведомо неравным субъектам»*⁷. Этот порядок, устанавливая пределы возможного поведения человека, ограничивает свободу индивида во имя расширения свободы всех. Тогда индивидуальная свобода становится относительной; она заканчивается там, где начинается свобода другого. Следовательно, потребность в праве носит абсолютный характер, независящий от социальной структуры и формы государства. Достаточно напомнить, что римское право, систематизированное в эпоху античности, с успехом применялось и в Средние века, и в Новое время и сегодня, в XXI веке. А в Законах Хаммурапи, например, одновременно существовали нормы, регулировавшие отношения рабства, нормы феодального права и нормы, закрепляющие рыночные (капиталистические) отношения⁸. И все это содержится в одном и том же документе XVIII в. до н. э! Таким образом, право, как регулятор общественных отношений, носит внеклассовый характер, оно является средством познания человеком своей свободы.

Что касается понятия фиктивности закона, то оно затрагивает область применения правовых предписаний в обществе и государстве и ставит вопрос о профессионализме и политической ориентации законодателя. Фиктивность закона, т.е. отсутствие его реального действия, может быть результатом, как некачественной юридической техники, так и сознательного стремления сузить поле правового регулирования. В обоих случаях фиктивность способствует политизации правовых отношений, затрудняет урегулирование конфликтов и в конечном итоге усиливает правовую неопределенность, обслуживая различные частные интересы. С другой стороны, фиктивность как несоответствие правовой нормы потребностям общества свидетельствует о высокой степени правового нигилизма у нормотворческих субъектов, об их незаинтересованности в установлении четких и понятных правил поведения. Следовательно, фиктивность закона является категорией правосознания, и, поэтому, не должна использоваться при «чистом» анализе правовых явлений. Юридические фикции могут выступать причиной фиктивности отдельных нормативных предписаний и даже целых законов, но сами не являются фиктивными. Как способ закрепления общеобязательных предписаний они вполне реальны и необходимы. Фикции и презумпции существовали и будут существовать в праве независимо от результата их использования.

Юридические фикции и презумпции нередко относят к особым видам юридических фактов. Они также способны порождать, изменять и прекращать правоотношения. Однако между ними и юридическими фактами есть существенные различия.

Во-первых, юридические факты представляют собой жизненные обстоятельства. Это наступившие или совершенные в действительности события либо действия, не подлежащие априорному доказыванию. Их установление в конкретном деле (уголовном или гражданском) носит апостериорный характер, т.е. из возникшего правового отношения выводится существование юридического факта. Например, если возбуждается уголовное дело, то это означает, что информация о факте преступления расценивается как достаточная для принятия дела к производству. Субъекты уголовного преследования (дознатель, следователь, прокурор) будут устанавливать обстоятельства преступления, личность преступника и т.д. Возникает уголовно-процессуальное правоотношение, в основе которого лежит факт совершения преступления. Если этот юридический факт впоследствии не подтвердится,

то правоотношение прекратится⁹. Для этого необходимы уже иные юридические факты, указанные в ст. 24 УПК РФ 2002 г. Таким образом, без реально существующих юридических фактов правовое отношение не могло бы ни возникнуть, ни прекратиться и, поэтому их наличие в правоотношении очевидно.

Иначе обстоит дело с фикциями и презумпциями. Юридические фикции являются вымышленными, ложными по своему содержанию положениями. Как верно указывал Г.Ф. Дормидонтов, юридическая фикция имеет источником своего происхождения насущные потребности разума, но создается при помощи воображения¹⁰. Законодатель, по определению, стремится к наиболее полному, целесообразному и эффективному регулированию общественных отношений. Поэтому, вымышленный факт может оказаться более востребованным, чем действительно существующий. Некоторые области общественной жизни вообще не нуждаются в чересчур жестком регулировании в силу своей специфики. Речь идет, прежде всего, о частном праве. Но и в сфере публичных, в особенности властных, правоотношений есть такие интересы общества и государства, которые требуют, чтобы вымысел признавался правдой. Это укрепляет стабильность и взаимосвязанность социальной и государственной системы и позволяет ей развиваться в соответствии с логикой разума. Именно юридические фикции помогают достичь этой цели и, поэтому их действенность подкрепляется принудительной силой закона. С её помощью фикции приобретают императивный характер. Так, например, Конституция РФ 1993 г. гласит, что «Президент РФ ... представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях»¹¹. Это означает, что он представляет всех граждан России, независимо от результатов выборов в субъектах РФ. В то же время наше избирательное законодательство требует «всего лишь» абсолютного большинства голосов для победы на президентских выборах¹². Налицо очевидная фикция, установленная в высшем законе страны! Если же к этому конституционному положению добавить сведения о реальном участии граждан в голосовании, то можно будет смело утверждать юридическую и политическую фиктивность вышеприведенной нормы Конституции. Она абсолютно не соответствует действительности, поскольку далеко не все избиратели принимают участие в выборах главы государства и, тем более, не все из них голосуют за победившего в итоге кандидата. Тем не менее, рассматриваемая норма Конституции РФ не только реально

действует, но и является сугубо необходимой для функционирования всего государственного механизма. Её диспозиция легитимирует статус Президента, создавая прочную основу для осуществления функций верховной власти. Как полномочный «мандатарий Нации», по меткому определению Л. Дюги, глава государства должен выражать общие интересы всего населения России, без учета каких-либо различий между регионами. В его лице Россия предстает единой державой и на международной арене, что позволяет Президенту говорить от имени всех граждан. Таким образом, правовой вымысел служит удовлетворению важнейших потребностей государственной политики, и, следовательно, ложь юридической фикции используется для достижения вполне реальных целей правового регулирования.

Аналогичная ситуация складывается и с юридическими презумпциями. Будучи сомнительными положениями, они обладают вероятностным характером. Степень их вероятности может быть весьма различной. Так, например, презумпция законности, обоснованности и справедливости окончательного судебного решения (приговора)¹³, будучи опровержимой (*praesumptio juris tantum*), является, тем не менее, высоко достоверной, поскольку акт правосудия был издан высшей судебной инстанцией. Профессионализм судей выступает гарантией квалифицированного, независимого и беспристрастного разбирательства. Опровержение этой презумпции может произойти только в случае появления новых обстоятельств, в частности, таких как: признание примененного судом закона не соответствующим Конституции РФ или нарушение положений Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹⁴ Закон также допускает её опровержение в случае пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам самим Президиумом Верховного Суда РФ¹⁵.

В то же время, например презумпция невиновности, являясь также опровержимой, характеризуется низким уровнем вероятности. Большинство привлекаемых к уголовной или административной ответственности физических лиц оказывается в конечном итоге виновными в различной степени. Наличие этой презумпции характерно для неравноправных правоотношений, когда одной из сторон выступает государство в лице органа власти. Привлекая человека к юридической ответственности, государство подозревает его причастность к совершению неправомерного деяния и, следовательно, должно обосновать свои претензии. *«Бремя доказывания лежит на том, кто*

утверждает, а не на том, кто отрицает» – *ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat*. Этот принцип был сформулирован ещё в римском праве. Он подтверждается логикой разума и результатами человеческого опыта. Действительно, лицо, привлекаемое к юридической ответственности, может ограничиваться в своей свободе уже на стадии проведения следствия, и ему было бы затруднительно собирать доказательства своей невиновности. Немаловажным представляется и психологический аспект поведения. Подозреваемый может находиться в состоянии шока, стресса и будет не способен адекватно оценивать как своё положение, так и происходящие вокруг него события. Поэтому презумпция невиновности диктуется также и гуманистическими идеалами права, которые способствуют защите человека. В гражданском праве, наоборот, применяется презумпция виновности, но и она находится в полном соответствии с вышеприведенным принципом римского права. Бремя доказывания распределяется между сторонами равномерно. Истец и ответчик призваны каждый обосновать свои претензии друг к другу. Таким образом, можно сказать, что, по всей видимости, обе эти презумпции относились когда-то к фактическим презумпциям (*praesumptiones facti seu hominis*), выработанным практикой людского поведения, однако очень скоро они получили нормативное закрепление и стали юридически обязательными.

Неопровержимые презумпции (*praesumptiones juris et de jure*), не предполагающие доказательства обратного, в свою очередь, тоже могут быть как маловероятными, так и почти достоверными. Например, презумпция знания закона всеми гражданами (*nemo censetur ignorare legem*) граничит с вымыслом, но её опровержение не имеет никакого юридического значения. Все нормативные акты в России должны быть обнародованы и, поэтому, опубликованный закон считается доведенным до сведения всех и каждого, т.к. он является результатом правотворческой деятельности государства¹⁶. Публичная власть обладает монополией на издание нормативных предписаний в пределах государственной территории, что подтверждает её внутренний суверенитет. Но публичная власть устанавливает и ограничения своего верховенства. В той же статье Конституции РФ содержится запрет на применение неопубликованных законов, соблюдение которого является обязанностью органов государства. Следовательно, все лица, находящиеся под юрисдикцией российского государства должны знать и соблюдать его законы. Выполнение этой обязанности обуславливается правом

на информацию, закрепленным также в Конституции РФ. В этом проявляется один из важнейших принципов права, а именно взаимность субъективных прав и юридических обязанностей.

Однако неопровержимые презумпции могут обладать и очень высокой степенью вероятности, что делает их практически истинными. Так, в частности, решения Конституционного Суда РФ не могут быть обжалованы, вступают в силу сразу после своего провозглашения, действуют непосредственно и распространяются на всю территорию страны. Они окончательны и не могут быть преодолены повторным принятием неконституционного нормативного акта¹⁷. Здесь мы наблюдаем действие той же презумпции истинности судебного решения (*res judicata pro veritate habetur*), только применяемой к актам органа конституционного контроля. Она является именно неопровержимой, поскольку решениям Конституционного Суда РФ придается сила закона. Они обязательны для всех органов государственной власти, как Федерации, так и субъектов РФ, а гарантом их исполнения выступает Президент РФ. Индивидуальные правоприменительные акты судебных учреждений должны быть пересмотрены в соответствии с решениями Конституционного Суда РФ, если они основывались на законах, признанных неконституционными. Это означает, что решениям Конституционного Суда придаются свойства нормативного акта и их юридическая сила оказывается выше, чем у актов правосудия.

Применение неопровержимой презумпции истинности судебного решения к актам Конституционного Суда РФ приобретает исключительную важность при толковании основного закона страны. Обладая этим полномочием, Конституционный Суд РФ преодолевает правовую неопределенность и может существенно корректировать применение на практике конституционных положений. Статья 106 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» 1994 г. гласит, что толкование Конституции является официальным и обязательным для всех органов государственной власти, для органов местного самоуправления, для юридических и физических лиц. Это значит, что субъекты права должны применять неясные положения Конституции в той мере, в какой они объяснены, истолкованы Конституционным Судом. В этой связи возникает закономерный вопрос: может ли Конституционный Суд создавать новые правовые нормы путем толкования? Утвердительный ответ был бы равносильным признанию Конституционного Суда правотворческим органом и ставил бы его в один ряд с Парламентом. А это, в свою очередь, могло

бы привести к неоправданному вмешательству в компетенцию законодательного органа и нарушению равновесия между властями в государстве. Кроме того, такое утверждение противоречило бы закону, который ясно и недвусмысленно формулирует правовой статус Конституционного Суда РФ как «*судебного* органа конституционного контроля, ... осуществляющего *судебную* власть»¹⁸ (курсив мой – К.К.). Поэтому, методологически верный ответ на данный вопрос следует искать в практике самого Конституционного Суда РФ. Как правильно указывают некоторые исследователи, Конституционный Суд, при наличии правовой неопределенности, нередко осуществляет *конституционное* толкование нормы, т.е. интерпретирует её так, чтобы она не противоречила Конституции¹⁹. Этот способ относится и к толкованию норм самой Конституции РФ²⁰. С помощью этого способа Конституционный Суд формально избегает нормотворческого характера своей деятельности и остается в собственном правовом поле. Но, т.к. его решения влияют на судебную практику, можно сказать, что посредством легального толкования основного закона страны Конституционный Суд РФ создает де-факто правовые нормы, необходимые для разрешения конкретных дел.

Второе отличие юридических фикций и презумпций от юридических фактов состоит в способе их закрепления в правовой норме. Юридические факты указываются в гипотезе нормы и являются необходимым условием её применения. Так, норма ч. 1 ст. 107 Конституции РФ содержит в своей гипотезе два юридических факта: во-первых, состоявшееся принятие федерального закона Парламентом РФ и, во-вторых, срок для передачи такого закона главе государства. Диспозиция же этой нормы предписывает юридически значимые действия, совершение которых возлагается на Президента РФ. Он должен подписать и обнародовать закон. Первый из вышеприведенных юридических фактов очень похож на презумпцию, поскольку конституционная норма не уточняет, кем именно был принят федеральный закон. Следовательно, можно было бы предположить (презумировать), что речь идет об обеих палатах Парламента. Но такое рассуждение противоречит положениям ст. 105 Конституции, где сказано, что федеральные законы принимаются Государственной Думой. Что касается Совета Федерации, то он, как гласит та же статья, призван одобрять уже принятые Думой законы. С помощью грамматического толкования трудно установить, что речь идет о разных юридических действиях,

выраженных разными терминами. Кроме того, ч. 5 ст. 105 позволяет нижней палате преодолеть возражения Совета Федерации и утвердить закон в своей редакции, проголосовав за него квалифицированным большинством голосов. Принятый таким способом закон будет полностью соответствовать требованиям законодательной процедуры и поступит Президенту как результат общей парламентской деятельности. Логическое толкование убеждает нас в наличии прямой связи между ст. ст. 105 и 107 конституционного текста. Формулировка «принятый федеральный закон», содержащаяся в ч. 1 ст. 107, касается, прежде всего, Государственной Думы, а мнение Совета Федерации здесь второстепенно.²¹²¹ Предположение (презумпция), что он также одобрил закон, не имеет юридического значения для главы государства. Таким образом, в гипотезе рассматриваемой конституционной нормы присутствует именно юридический факт, порождающий соответствующее правовое отношение.

Закрепление в правовой норме юридических фикций и презумпций происходит иным образом. Они формулируются в диспозиции правовой нормы и выступают государственно-властными предписаниями. Например, ч. 4 ст. 105 устанавливает, что *«федеральный закон считается одобренным Советом Федерации, если ... в течение 14 дней он не был рассмотрен Советом Федерации»*. Срок для рассмотрения указан в гипотезе нормы, а юридическая фикция содержится в диспозиции. Учитывая это положение, верхняя палата может вовсе не обсуждать поступивший ей законопроект, сократив, тем самым, законодательный процесс на одну стадию. Вымышленный характер этого положения диктуется требованиями эффективности и оптимальности правового регулирования. Двухпалатная структура любого парламента, при всей своей необходимости, достаточно громоздка и малоподвижна. Она обуславливается, как правило, федеративной формой государственного устройства и позволяет регионам участвовать в общенациональном законотворчестве. Всестороннее обсуждение важнейших вопросов государственной и общественной жизни, безусловно, способствует их наилучшему решению, однако не менее существенным является и оперативность законотворческой деятельности. Потребности государства и общества не стоят на месте, они изменяются и развиваются вместе с самой жизнью. Задача законодателя состоит в том, чтобы направить удовлетворение этих потребностей в наиболее приемлемое для всех русло, а именно в русло правового регулирования.

Отсутствие необходимых обществу законов с неизбежностью приведет к появлению неправовых форм взаимодействия и силовому решению накапливающихся проблем. Однако, как показывает мировая конституционная практика, парламентское обсуждение законопроектов может нередко быть крайне длительным. И при этом далеко не всегда следует ожидать, что в «споре рождается истина». Следовательно, требуется найти своеобразную «золотую середину», использовать приём, который одновременно обеспечил бы и достаточно широкий обмен мнениями и относительную быстроту принятия решений. Один из таких приёмов мы можем наблюдать в рассматриваемой конституционной норме. Отсутствие обязательности рассмотрения всех законопроектов Советом Федерации упрощает законодательную процедуру и способствует наиболее рациональному функционированию бикамерализма. При этом с помощью юридической фикции достигается соответствие регулируемых правоотношений требованиям формальной определенности и, тем самым, эффективность парламентского механизма принятия решений включается в нормативное содержание закона.

Другим примером закрепления юридической фикции в диспозиции правовой нормы является положение ч. 3 ст. 93 Конституции РФ. Там, в частности, сказано, что если в трехмесячный срок решение Совета Федерации об отрешении Президента РФ от должности не будет принято, обвинение считается отклоненным. Фикция состоит в том, что глава государства освобождается от уголовной ответственности при полном или частичном бездействии верхней палаты. По смыслу данной нормы, Совет Федерации свободен в своем выборе, т.к. сама норма не устанавливает модели должного поведения. В ней указаны лишь требования к принятию решения, а именно его временные рамки²². По поводу же процедуры, которая должна предшествовать голосованию, конституционная норма молчит. Следовательно, Совет Федерации может как рассмотреть поступившее ему обвинение, так и воздержаться от его рассмотрения. В обоих случаях его действия находятся в полном соответствии с конституционным текстом. Диспозиция нормы, содержащейся в ч. 3 ст. 93 предписывает субъектам права полагать, что такое рассмотрение якобы состоялось, но факт преступления не подтвердился, в связи с чем, конституционное правоотношение прекращается. Основанием прекращения выступает не какой-либо юридический факт, а его отсутствие, т.е. юридическая фикция. Совет Федерации

может и не отклонить обвинение, однако оно все равно утратит своё юридическое значение по истечении трёх месяцев.

Юридическая ответственность главы государства является общепризнанным институтом конституционного права во всех современных государствах. Если исключить монархии²³, а также ряд мусульманских государств²⁴, ответственность высших должностных лиц выступает важнейшей гарантией законности и правопорядка в стране. Появление этого правового института в нашей Конституции в 1993 г. свидетельствует о приверженности России принципам демократии и правового государства. Но ответственность главы государства не может быть чисто декларативной. Она должна обладать действенным механизмом своей реализации. Без такого механизма юридические нормы превращаются в мертвые положения и являются причиной фиктивности закона. К сожалению, процедура отрешения Президента РФ от должности, указанная в ст. 93 Конституции РФ представляет собой яркий пример того, как юридическая фикция приводит к фиктивности права. Сама процедура, на первый взгляд, регламентирована достаточно четко и ясно. Конституционный текст определяет субъектов права выдвижения обвинения, основания обвинения, а также условия его принятия. Все эти положения вполне логичны и юридически безупречны. Однако подвох скрывается в самом конце статьи. Из ч. 3 вытекает полномочие верхней палаты принять окончательное решение по существу обвинения, но, при этом отсутствует формальное требование обсудить такое обвинение. Значит, Совет Федерации не обязан рассматривать направленное ему обвинение против Президента РФ. Теоретически, Совет Федерации может постоянно откладывать обсуждение этого вопроса, мотивируя свой отказ отсутствием времени, загруженностью законодательного процесса и т. д. А, если обвинение поступит ему накануне парламентских каникул, то затянуть принятие окончательного решения будет еще проще. И это только половина проблемы! Дальнейший анализ приводит к следующему выводу: Совет Федерации может игнорировать инициативу депутатов, даже в том случае, когда она подкреплена заключением Верховного Суда РФ, т.е. при наличии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела. С чисто правовой точки зрения в такой ситуации члены Совета Федерации превращаются в лучшем случае в укрывателей, а в худшем – в сообщников преступного деяния. По-другому нельзя было бы объяснить непринятие окончательного решения и отсутствие его обсуждения. Такое утверждение

может показаться вопиющим, однако оно логически вытекает из рассмотрения данной конституционной нормы. Таким образом, можно сказать, что использование юридической фикции в ч. 3 ст. 93 Конституции РФ делает процедуру отрешения от должности Президента РФ фиктивной, т.к. она может прекратиться, не будучи доведенной до своего логического завершения.

Юридические презумпции также формулируются в диспозиции правовой нормы. Примером может служить норма статьи 49 Конституции РФ, в которой формулируется презумпция невиновности – *«Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана ... и установлена ... приговором суда»*. В гипотезе данной нормы указаны условия признания лица виновным. Эти условия выражены двумя юридическими фактами: факт доказанности вины, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством и факт установленности вины в акте правосудия. Диспозиция нормы содержит указание на отношение к лицу, привлеченному к юридической ответственности со стороны органов правопорядка. Будучи формально-определенным предписанием, это указание является обязательным для всех правоохранительных органов. Тем самым, презумпция невиновности приобретает императивный характер и, сама по себе, не подлежит обсуждению.

Другой пример закрепления юридической презумпции в норме права мы находим в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ». В ч. 3 ст. 72 сказано, что, *«в случае, если при принятии решения по делу о проверке конституционности нормативного акта, ... голоса разделились поровну, решение считается принятым в пользу конституционности оспариваемого акта»*. Гипотеза нормы указывает на фактическое обстоятельство, возникшее при голосовании и представляющее известное затруднение для вынесения окончательного решения, а диспозиция предписывает выход из создавшейся коллизии. В диспозиции закреплена юридическая фикция, поскольку разделившиеся мнения судей не позволяют однозначно подтвердить соответствие юридического документа основному закону страны. Однако в основе этой фикции лежит общая презумпция конституционности нормативно-правовых актов. Это материально-правовая презумпция, поскольку она позволяет решить дело по существу²⁵. Она является также опровержимой, поскольку существует правовой институт конституционного контроля. Нормативно-правовой акт как результат правотворческой деятельности

государства, разрабатывается и принимается в особом процессуальном порядке. Он должен отвечать нескольким требованиям, выполнение которых наделяет его объективной властью. К таким требованиям, в частности, относится соблюдение пределов компетенции издающего органа и соблюдение установленных правил процедуры принятия. Оба требования являются формальными, т.е. касаются внешнего аспекта нормативного акта. Если они удовлетворены, то нормативный акт может считаться истинным и действительным²⁶.

Как известно, самым главным признаком права является его формальная определенность. Именно этот признак придает норме права, закону, любому иному государственному документу качество всеобщности и обязательности. *«Для закона существенно... то, что он издается субъектом верховной власти»* – писал 100 лет назад известный русский юрист В.В. Ивановский²⁷. Следовательно, нормативно-правовой акт потому является общеобязательным, что он принят определенным образом. Так, например, нормы конституции обладают верховенством в правовой системе государства не потому, что они якобы выражают волю народа (или большинства народа), а потому, что они принимаются по усложненной процедуре и исходят от носителя суверенных прав. В противном случае юридическая наука должна была бы отказаться от категории октроированных конституций, однако их существование не вызывает сомнений. Таким образом, вышеназванная презумпция конституционности нормативных актов является высоко вероятной и с успехом применяется для регулирования конкретных правоотношений.

Предписание рассматриваемой правовой нормы²⁸ касается не только нормативных актов. Аналогичный способ признания конституционности распространяется и на договоры как внутригосударственные, так и международные. Договоры нормативного содержания также требуют соблюдения формальной процедуры своего подписания и одобрения, но их юридическая природа совершенно отлична от природы нормативных актов. Договоры являются результатом обоюдного согласия субъектов права и, следовательно, записанные в них нормы выражают волю сторон. Участники договора самостоятельно определяют, какие нормы следует включить в текст, чтобы он отвечал их интересам. Однако в основе признания конституционности внутригосударственных договоров лежит иная презумпция, а именно презумпция законности действий государственных органов власти. Эта презумпция косвенно

содержится в ч. 3 ст. 11 и в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, а на практике она нашла своё отражение в конкретных решениях Конституционного Суда РФ²⁹. Сам основной закон страны допускает и предписывает как императивный, так и договорный способ распределения компетенции между РФ и её субъектами. Следовательно, договор о разграничении предметов ведения может считаться соответствующим Конституции, пока не установлено иное. Эта презумпция тоже является опровержимой (*praesumptio juris tantum*).

В отношении международных договоров действует несколько иная юридическая презумпция. Это презумпция защиты национальных интересов, записанная в ст. 79 Конституции РФ. Данное положение предоставляет российскому государству возможность участвовать в международном общении в любых формах, при условии соблюдения конституционных принципов, а также обеспечения полноценной реализации прав и свобод граждан. По смыслу данной нормы предполагается, что любой международный договор, заключённый нашим государством, направлен на выполнение собственных, национальных задач и априори имеет в виду защиту интересов своих граждан.

Подобный взгляд на международное общение является вполне закономерным; он был выработан теорией международного права еще в XIX в.³⁰ и, как правило, подтверждался практикой межгосударственных отношений. Правда сегодня, в начале XXI в., доверие граждан к собственному правительству заметно ослабело и мы уже не можем с уверенностью утверждать, что внешняя политика власти всегда осуществляется в наших интересах. Эта проблема касается не только России, она равным образом актуальна для любого современного государства, поскольку в условиях глобализации национальные правительства всё более утрачивают связь с нуждами своего народа и зачастую превращаются в скрытых лоббистов интересов транснациональных корпораций. И надо ли здесь лишний раз говорить, что цели и задачи последних по самой своей природе глубоко враждебны самобытности и самостоятельности народов.

Мы не станем углубляться в подробности политической оценки внешних сношений современных государств; таковая заслуживает отдельного серьёзного рассмотрения. Стремясь сохранить «правовую чистоту» наших рассуждений, мы лишь позволим себе обратить внимание читателя на юридическое значение вышеназванной презумпции. Благодаря ей российское государство имеет возможность принимать

на себя международные обязательства без необходимости всякий раз испрашивать одобрение населения. Действительно, проведение референдума по каждому международному договору сделало бы межгосударственное общение крайне затруднительным, не говоря уже о финансовых затратах на подобные мероприятия. Да и сам референдум отнюдь не может являться гарантией защиты национальных интересов. Он лишь отражает мнение большинства, т.е. показывает количественный критерий истины, тогда как последняя суть категория качественная. Возникают, следовательно, две цели в государственной деятельности: одна направлена вовнутрь, на выполнение публичных обязательств перед своими гражданами, другая – вовне, на углубление международного сотрудничества. Коллизия усугубляется тем, что эти цели не просто разнонаправлены, а нередко и взаимно исключают друг друга. Ярким примером здесь может служить европейская интеграция, столь же благотворная для экономико-финансового развития жителей Старого Света, сколь и пагубная для сохранения национально-этнической и духовной самобытности европейских наций. Примирить эти цели, внести в них определённую ясность может, по нашему мнению, тонкий инструмент юридической презумпции. Именно презумпция защиты национальных интересов, будучи опровержимой, снимает противоречие между внутренней и внешней политикой, иными словами между интересами отдельной нации и интересами мирового сообщества. Кроме того, она же расставляет политические приоритеты и задаёт ценностные ориентиры для верховной власти. По смыслу анализируемой статьи (ст. 79 Конституции РФ) права и свободы российских граждан однозначно являются первичными.

Проведённое сопоставление фикций и презумпций с юридическими фактами приводит нас к выводу о невозможности их отождествления. Те и другие представляют собой разные явления в правовой регламентации. Если юридические факты нужны, по большому счёту, для существования правоотношений, то фикции и презумпции играют совсем другую роль. Мы возьмём на себя смелость предположить, что они выражают глубинную, сущностную способность права к саморегулированию и самовоспроизводству. С их помощью право получает возможность существовать бесконечно долго во времени и пространстве, постоянно перерабатывая самое себя. Наличие фикций и презумпций в нормативном регулировании не может объясняться причинами неразвитости права³¹, равно как и быть следствием порочности

нормотворческих субъектов. Это не сознательная ложь и не надувательство. Смысл существования юридических фикций и презумпций состоит в том, чтобы с помощью вымысла породить такое правовое последствие, которое обыкновенно порождается реальным событием или действием. В этом своём качестве они как бы подменяют юридические факты в тех обстоятельствах, когда применение последних нецелесообразно или вообще невозможно. Отсюда очевидно, что цель фикций и презумпций лежит в реальном мире, в том мире, где правовые последствия осязаемы и необходимы. Юридические фикции и презумпции, таким образом, усиливают и укрепляют правовую реальность.

В то же время нельзя не заметить одного, пожалуй, самого удивительного свойства как фикций, так и презумпций. Будучи по своему содержанию фактами вымышленными или сомнительными, они находятся за пределами бытовой действительности, т.е. они не существуют в реальном мире. Но, при этом, они в полной мере являются частью правовой реальности, т.е. существуют в праве. Иными словами, фикции и презумпции утверждают, что нечто существует в праве, хотя оно и может отсутствовать в действительности. Тем самым они связывают идеальный мир права с реальным миром обывденной жизни. Однако, проводя эту связь, фикции и презумпции выстраивают иерархию этих двух миров. Они утверждают первичность правовой реальности и вторичность бытовой. Получается, что последняя вырастает из первой, т.е. происходит замещение реального мира, который перестаёт выступать источником бытия и становится в подчинённое к праву положение. Как тут не вспомнить классическое определение марксистской теории о том, что главным источником права являются материальные условия жизни общества. Многовековое существование и применение фикций и презумпций в корне опровергает его. Не хозяйственные потребности быта, а осознанное стремление преодолеть неопределённость в праве привели когда-то римлян к использованию фикций и презумпций (ибо изменившиеся материальные условия, как раз наоборот, должны были толкать римлян к отмене устаревших законов, а отнюдь не к их приспособлению). То же самое можно сказать и по поводу английского общего права, в котором доля фикций и презумпций всегда была и остаётся значительной.

Таким образом, право, обладая собственной творческой силой, способно не только регулировать поведение людей, но и создавать его. Более того, право может создавать модели поведения, которые

не существуют в действительности, но которые, при помощи фикций и презумпций, обретают качество осязаемого феномена. Не материя, а сознание обуславливает поведение людей и юридические фикции и презумпции являются, на наш взгляд, самым ярким тому подтверждением.

¹ Некоторые исследователи считают, что первые фикции и презумпции возникли еще в эпоху древнего права, до их письменного закрепления, как логический результат общественной практики. Такова, например, презумпция знания закона. – См. Черниловский З.М. Презумпции и фикции в истории права // Советское государство и право, 1984, № 1.

² См. Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895; Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных сделках. Казань, 1859.

³ См. Dumeril. Les fictions juridiques. P., 1882; Chassan M. Essai sur la symbolique du droit. P., 1847.

⁴ См., например, Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

⁵ См. Курсова О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000.

⁶ См. Панько К.К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998.

⁷ Исаев М.А. Лекции по истории русского права и государства. М., 1996.

⁸ Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / Пер. и комментарии И. М. Дьяконова // Вестник древней истории, 1952, № 3, с. 309—311. Статьи, посвященные феодальным правоотношениям, в частности, 26-32, 35-38; капиталистическим правоотношениям – ст. ст. 88-101, 104-106.

⁹ Факт совершения преступления не может рассматриваться как опровержимая презумпция, т.к. в этом случае она была бы равносильна презумпции подозреваемости каждого человека. Такое положение противоречило бы презумпции невиновности – одной из важнейших основ правового государства.

¹⁰ Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895.

¹¹ Конституция РФ 1993 г., ст. 80, ч. 4.

¹² ФЗ «О выборах Президента РФ» от 10.01.2003 г., ст. 76, ч. 3.

¹³ Данная презумпция – *res iudicata pro veritate habetur* – установлена ст. 297 УПК РФ 2002 г. и касается, прежде всего, судебного решения (приговора), вынесенного в порядке надзора Президиумом Верховного Суда РФ. Аналогичная презумпция установлена ст. 15 АПК РФ 2002 г. в отношении, прежде всего, постановлений Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ.

Советская наука считала эту презумпцию неопровержимой, т.к. процессуальное законодательство устанавливало сроки для пересмотра дела, как в порядке надзора, так и по вновь открывшимся обстоятельствам. По истечении этих сроков решение (приговор) не могли быть изменены. См. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

¹⁴ УПК РФ 2002 г., ст. 413, ч. 4.

¹⁵ УПК РФ 2002 г., ст. 417, ч. 2.

¹⁶ Конституция РФ 1993 г., ст. 15, ч. 3.

¹⁷ ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» от 21.07.1994 г., ст.79.

¹⁸ ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» от 21.07.1994 г., ст.1.

¹⁹ См. Сериков Ю. А. Правовые презумпции в решениях Конституционного Суда РФ // Арбитражный и гражданский процесс, 2003, № 4.

²⁰ См. постановления Конституционного Суда РФ № 28-П от 11.12.98г. и №15-П от 11.11.99г. о толковании ч. 4 ст. 111 Конституции РФ. – Вестник Конституционного Суда РФ, 1999, № 2, № 6.

²¹ Исключения составляют вопросы, подлежащие обязательному рассмотрению в верхней палате. Они указаны в ст. 106 Конституции РФ.

²² Требования к количеству голосов членов Совета Федерации, необходимому для принятия решения по существу записаны в ч. 2. ст. 93 Конституции РФ.

²³ В абсолютных и дуалистических монархиях глава государства, как известно, обладает прерогативой совершенства и никогда не может быть привлечен к юридической ответственности. В современных парламентарных монархиях неподсудность Короны обуславливается презумпцией, что она действует исключительно по совету своих министров и, следовательно, юридической ответственности подлежат члены правительства во главе с премьер-министром.

²⁴ В мусульманских и, прежде всего, в арабских монархиях также действует прерогатива совершенства. Независимость данного правового института в арабских республиках обуславливается закреплением в конституциях обязанностей самого государства, которые полностью соответствуют Корану и Сунне Пророка. Подробная регламентация этих обязанностей является гарантией законности и справедливости власти. Юридическая ответственность как бы перекладывается с главы государства на государство в целом. Президент, действуя от имени мусульманского государства, предполагается выполняющим его обязанности, а, значит и соблюдающим высший религиозный закон. Это может рассматриваться как неопровержимая презумпция.

²⁵ Материально-правовыми называются презумпции, которые устанавливают обычный порядок отношений между субъектами права и определяют применение правовой нормы. В противоположность им существуют процессуальные презумпции, которые регулируют распределение бремени доказывания и сужают его предмет. – См. очень интересные и глубокие рассуждения по этому вопросу у Бабаева В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974; и Каминской В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.-Л., 1948.

²⁶ Бабаев В.К. рассматривает истинность и действительность нормативного акта как отдельные, но взаимосвязанные презумпции, гарантирующие реальную исполнимость законов. – Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

²⁷ Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1908.

²⁸ Ч. 3 ст. 72 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» от 1994 г.

²⁹ В решениях Конституционного Суда РФ в этой связи сформулированы две презумпции: презумпция добросовестности и разумности действий конституционных органов, и презумпция добросовестности законодателя и его приверженности общим принципам права. – См. Сериков Ю. А. Правовые презумпции в решениях Конституционного Суда РФ // Арбитражный и гражданский процесс, 2003, № 4.

³⁰ Мартенс Ф. Международное право. Т. 2, М., 1904, с. 5.

³¹ Например, А. Дюмериль рассматривает фикции как «костыли», характерные для эпохи становления права. – См. Dumeril H. *Les fictions juridiques*. P., 1882, p. 17-18.

Legal Fictions and Presumptions in Russian Constitutional Law (Summary)

*Konstantin V. Karpenko**

The article focuses on the role and significance of legal fictions and presumptions in modern Russian law. Analyzing the Constitution of 1993, several important federal statutes, and also the practice of the Constitutional Court, the author concludes that the fictions and presumption are a separate and, in many ways, a unique phenomenon in the legal regulation and can not be reduced solely to legal technique. Through fictions and presumptions the law is capable of internal, self-supporting development.

Keywords: Constitution; legal fact; legal fiction; legal presumption; legal rules.

* Konstantin V. Karpenko – senior lecturer of the Chair of Constitutional law, MGIMO-University MFA Russia.